

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

6

Санкт-Петербург
«Росток»
2018

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5
Т30

Издание осуществлено попечением Петра Авена

Редакционный совет альманаха «Текст и традиция»

Евгений Водолазкин (*Санкт-Петербург*) — главный редактор

Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*) • Павел Басинский (*Москва*) •
Алексей Варламов (*Москва*) • Игорь Волгин (*Москва*) •
Андрей Дмитриев (*Санкт-Петербург*) • Оливер Реди (*Оксфорд*) •
Татьяна Руди (*Санкт-Петербург*) • Владимир Толстой (*Ясная Поляна* —
Москва) • Лиза Хейден (*Скарборо, США*) • Роберт Ходель (*Гамбург*) •
Елена Шубина (*Москва*) • Леонид Юзефович (*Санкт-Петербург*)

Т30

Текст и традиция: альманах, 6 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)
Рос. Акад. наук, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». —
Санкт-Петербург: Росток, 2018. — 460 с.
ISBN 978-594668-259-6

Альманах «Текст и традиция» издается Пушкинским Домом и Ясной Поляной, двумя известнейшими «литературными домами» России. Одной из важных его задач является рассмотрение современной русской литературы в контексте литературной традиции — классической и древней. В определенном смысле альманах соединяет в себе черты научного и литературного («толстого») журналов: в соответствующих разделах публикуются исследования академического типа и литературные эссе. Особое место в издании занимают диалоги участников литературного процесса на историко-культурные темы, а также публикация архивных материалов.

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5

ISBN 978-594668-259-6

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2018
- © Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2018
- © Е. Г. Водолазкин, концепция, составление и редактирование, 2018
- © Коллектив авторов, 2018
- © ООО «Издательство “Росток”», 2018

Содержание

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА (1918—2018)¹

<i>Андрей Аръев (Санкт-Петербург)</i> Изгнание, где твое жало?	7
<i>Жорж Нива (Женева)</i> От темниц Пиранези до бреда бедного зэка Люцифера, или Как писать о тюрьме и о лагере	18
<i>Людмила Сараскина (Москва)</i> Хаос невидимый, предвиденный и зримый: От «Бесов» к «Красному колесу»	26
<i>Наталья Поньрко (Санкт-Петербург)</i> Россия в изгнании: Взгляд А. И. Солженицына на старообрядчество	50
<i>Марко Саббатини (Пиза)</i> Лагерная проза Солженицына в зеркале итальянской критики 1960-х — начала 1970-х годов (<i>предварительные заметки</i>)	62

ACADEMIA

<i>Ирена Шпадиер (Белград)</i> «Несходные подоби́я»: Средневековье и современное искусство	77
--	----

¹ Представленные в разделе статьи подготовлены по материалам конференции «Писатель в неволе: Ссылка, каторга, тюрьма в творчестве А. И. Солженицына и мировой литературе» (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 20–22 ноября 2017 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Рангин (Москва)</i> «Княжна Мери» М. Ю. Лермонтова и «Поединок» Е. П. Ростопчиной: К вопросу о литературном контексте «Героя нашего времени»	94
<i>Людмила Луцевич (Варшава)</i> «Буду говорить, как сам видел, чувствовал — от чистого сердца...»: Николай I о русской политике	107
<i>Сергей Кибальник (Санкт-Петербург)</i> Гипертексты «Преступления и наказания» в русской литературе конца XIX — начала XXI века	128
<i>Алла Грачева (Санкт-Петербург)</i> Отблески Серебряного века в «Дневнике мыслей» Алексея Ремизова	140
<i>Татьяна Двинятина (Санкт-Петербург, Бремен)</i> Записи И. А. Бунина 1934—1939 годов: разрозненное и уцелевшее	155
<i>Михаил Эпштейн (Атланта)</i> Лунная теология в «Мастере и Маргарите»	173
<i>Таня Попович (Белград)</i> Идеология красоты и бунта: О романах Ю. Мисимы и Ф. М. Достоевского	178
<i>Анатолий Кулагин (Коломна)</i> Михаил Анчаров и Борис Корнилов: У истоков авторской песни	195
<i>Роберт Ходель (Гамбург)</i> Проза Драгослава Михайловича: Попытка синопсиса	217
<i>Габриэлла Элина Импости (Болонья)</i> Краски памяти в творчестве Нины Габриэлян	235

VOX SCRIPTORIS

<i>Павел Нерлер (Москва)</i> Осип Манделъштам и оптика трех революций	249
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Волгин (Москва)
«Нам не дано предугадать...»
Эдуард Бабаев: судьба филолога 300

Владимир Березин (Москва)
Русская орнитология 326

ИСТОРИЯ КНИГИ. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Евгений Абдуллаев (Ташкент)
«Поклонение волхвов» 357

Владимир Медведев (Москва)
«Заххок» 367

Алиса Ганиева (Москва)
Путь и опьянение 387

Александр Снегирев (Москва)
Делиться наслаждением 392

Наринэ Абгарян (Москва)
О женщинах 397

АРХИВ

Из архива Лидии Михайловны Лотман
Публикация Ларисы Найдиз (Иерусалим) 403

РЕЦЕНЗИИ

Павел Глушаков (Рига)
Время истоков 445

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 449

**К ЮБИЛЕЮ
АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА
СОЛЖЕНИЦЫНА
(1918—2018)**

Изгнание, где твое жало?

Мне привычно терпеть преследования, а не преследовать, — быть гонимым, а не гнать. Так и Христос побеждал распятым, а не распиная, не ударяя, а приняв удары.

Св. Иоанн Златоуст

Кардинальным достоинствам русской эмиграции первой волны совершенно естественно причислить тот факт, что она сохранила христианский характер отечественной культуры. Тем самым ее существование оправдано и прямо соотносимо с заповедями Христа. Завершающая Нагорную проповедь максима «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5: 10) априорно обращена к ее интеллектуальной элите, «жертвенной элите», как сказал бы Солженицын. В евангельском откровении кроется смысл, определяющий положение человека в мире: человек в первую очередь живет в истории, историческое, а не природное, ценится в нем как сущностное. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5: 11), — продолжает Иисус. Именно к ним, к «изгнанным за правду», относятся обобщающие завет Христа слова: «Вы — соль земли» (Мф. 5: 13). «Из прошедших (и в пути погибших) одиночек составитя эта элита, кристаллизующая народ»,¹ — отчеканил перед высылкой на Запад Александр Солженицын в статье «Образованщина», до сих пор понимаемой, на мой взгляд, весьма однобоко — и слева, и справа — как приговор интеллигенции.

Это, последнее из написанного перед изгнанием, произведение Солженицына, по концентрированности и силе охвативших и пламенно выраженных автором чувств всегда вызывало у меня в памяти лермонтовское:

¹ Солженицын А. Образованщина // Солженицын А. Публицистика. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1989. Т. 9. С. 115. Далее статья цитируется по этому изданию без сносок.

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Относительно «народа» у Александра Исаевича подобных инвектив не вырывалось и не могло вырваться — по его общему христианскому миропониманию, патриотическому и почвенному. Место народа у него замещено справедливо бичуемой им «образованщиной», науськиваемой властью сворой, обложившей его в последние годы пребывания на родине.

Ход рассуждения опирается у Солженицына на внятную и глубокую критику интеллигенции участниками предреволюционного сборника «Вехи» (1909). Собственно авторский текст, вроде суждения о Достоевском, который, якобы, «был и вовсе интеллигенцией ненавидим», в «Образованщине» эту критику сплошь и рядом перехлестывает. Дескать, «образованщина» — кость от костей «интеллигенции», о которой писали Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Петр Струве, Семен Франк и другие русские мыслители, а в советское время — Аркадий Белинков, в своем трехчастном замысле собиравшийся противопоставить «сдавшегося» интеллигента Юрия Олешу «несдавшемуся» Александру Солженицыну.

Преемниками идеологии «Вех» не учитывается одно решающее обстоятельство: сборник этот не власти оппонирует, он выношен интеллигенцией и для нее же писан — в попытке открыть для нее новые пути, а не обличить ее как таковую. В двух словах: это позиция мыслителей, предостерегающих интеллигенцию от присущего ей революционаризма и призывающих ее к подвижничеству, опирающемуся прежде всего на религиозное служение. В «Вехах» об этом можно судить уже по заглавию статьи Булгакова, на которую ссылается и Солженицын: «Героизм и подвижничество».

Но самое увлекательное — и увлекшее автора — в статье об «образованщине» другое и совершенно неожиданное ее направление: некоторые черты интеллигенции, полагаемые веховцами гибельными, применительно к условиям существования, порожденным советской властью, воспринимаются как насущные. Об этом пишется прямо и настойчиво: «Думаю, самый захудалый дореволюционный интеллигент <...> не подал бы руки самому блестящему сегодняшнему столичному образованцу». Сравнивая «образованщину» с интеллигенцией, Солженицын замечает: «Уж где там прежние традиции — поддержать политических, накормить беглеца, приютить беспаспортного, бездомного <...> — центровая образованщина повседневно добросовестно <...> трудится для укрепления общей тюрьмы».

К «образованщине» — в сравнении со старой интеллигенцией — причисляет Солженицын и людей, всем известных, даже гениальных, пользующихся в советском обществе авторитетом, а потому способных, по представлениям автора, своим «появлением и спаянным стоянием» очистить «общественный воздух в нашей стране». «Едва не переменили бы всю жизнь!» — восклицает он и добавляет: «В предреволюционной интеллигенции так и действовали тысячи, не ожидая защитной известности. В нашей образованщине насчитаем ли полный десяток?» То есть именно «революционности» недостает, именно она испарилась. Вот и в главном стоит обернуться вспять: «Даже предположения о какой бы то ни было *вине* перед народом за прошлое или за нынешнее, чем так мучилась предреволюционная интеллигенция, не возникает ни у кого из певцов образованщины, ни у порицателей ее. Тут они все едины», — пишет Солженицын.

Замечательно: в семидесятые годы XX века и «Вехи», и, тем более, практически теми же авторами продолживший веховское дело сборник «Из глубины» (1918) имели «революционный» характер. Заглавие собранного вокруг солженицынских работ коллективного сборника «Изпод глыб» — несомненная аллюзия на «Из глубины» (прежде всего на заглавие, повторяющее начало знаменитого псалма, но и не в меньшей степени на содержание издания).

Чтобы достоверно убедиться в неправомерности отождествления «интеллигенции» с «образованщиной», сошлемся на конечное суждение о «веховцах» в сборнике «Из глубины». На родине это собрание «статей о русской революции» не сохранилось. Отпечатанный тираж был реквизирован и сожжен большевиками. Но написанное — написано. Профессор П. И. Новгородцев начинает в нем свою статью «О путях и задачах русской интеллигенции» решающим для нашей темы утверждением о «Вехах»: «Участники этого сборника писали свои статьи <...> не с высокомерным презрением к прошлому русской интеллигенции, а “с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны”. <...> *Сами видные представители русской интеллигенции* (курсив мой. — А. А.), они не ставили себе целью отвлечь интеллигенцию от присущей ей задачи сознательного строительства жизни».²

Но откуда же взялась бичуемая Солженицыным тотальная «образованщина»? «Интеллигенция» была уничтожена еще в ленинско-сталинские времена, то есть физически уничтожена, согнана в лагеря, сослана, отправлена к чужим берегам на пароходах, когда не потоплена в баржах.

² Цит. по: Из глубины: Сборник статей о русской революции. [Б. м.]: Проспект, 1988. С. 221. Сборник получил известность только в 1967 году, напечатанный в Париже издательством ИМКА-Пресс по фотокопии экземпляра, вывезенного за границу Н. А. Бердяевым.

Как говорится в одном из диалогов у Георгия Федотова, «...революционная Россия изжила противоположение интеллигенции и народа. Правда, в значительной мере, ценой уничтожения интеллигенции».³ Все оставшиеся в России члены любых дореволюционных политических партий, выпускники «пушкинского» Лицея, Училища правоведения и т. д., то есть оставшиеся в стране независимо мыслящие граждане, были развены, выметены, лишены прав на гражданскую жизнь.

Достаточно, на мой взгляд, одного кристально ясного — и обобщающего весь советский опыт — примера, чтобы понять, откуда сменившая интеллигенцию «образованщина» поперла и восторжествовала. Имею в виду судьбу сгноенного в тюрьме Сталиным и его челядью за пристрастие к «тычинкам и пестикам» Николая Вавилова и сменившего его крестьянского сына Трофима Лысенко, которого Вавилов же, по кодексу интеллигента просвещать народ, научил азам биологической науки. Дальше них тот и не пошел, если не считать, конечно, развитием его четвертьвековое директорство в Институте генетики Академии наук СССР. Ровно на такой срок (с 1940-го по 1965-й) он и обеспечил отставание отечественной генетики от мировой. (Подобная же подмена — замечу в скобках, потому как не в Пушкинском Доме рассказывать — произведена, хотя и не столь катастрофически — ввиду меньшей различимости предмета — и в филологии.)

Народ — это не «образованщина», но «образованщина» — она из народа.

«Народ в массе своей, — говорит Солженицын, — не участвует в казенной лжи, и это сегодня — главный признак его, позволяющий надеяться, что он не совершенно пуст от Бога, как упрекают его». Если это так, то корни этого неучастия во лжи (иные, как мы видим, очень даже участвуют) с христианской точки зрения определены той же Нагорной проповедью.

По апостолу Матфею, в заключительном пророчестве Иисуса об «изгнанных за правду» исторически необычайно интересно то, что в евангельском пересказе Нагорной проповеди словесный оборот об «изгнанных за правду» полностью совпадает с оборотом о «нищих духом»: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5: 3). То есть «нищим духом» обещано точь-в-точь то же самое, что «изгнанным за правду» — Царство Небесное. Всем остальным достается, может быть, не менее душеспасительное, но — иное: одни «утешатся», другие «наследуют землю», третьи «насытятся» и т. д. «Чистые сердцем» даже «Бога узрят».

³ Федотов Г. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 404.

Казалось бы, «изгнанные за правду» и «нищие духом» — заведомые антиподы. И православие, и католичество ищут снятие этого противоречия в том, что «нищие духом» — это люди, смиренные перед Богом, чувствующие и признающие по отношению к Нему свою абсолютную духовную бедность, за что им и воздается. В книге пророка Исая сказано: «Я живу на высоте небес <...> с сокрушенными и смиренными духом, чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных» (Ис. 57: 15). Главное же — в наставлении Апостола Павла; по нему, как представляется, христиане независимо от конфессий Нагорную проповедь и понимают, и усвоят: «Если кто из нас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1 Кор. 3: 18–19).

Однако непреодолим и рациональный соблазн, заложенный в самой грамматике выражения. На чем предложение фиксировано — на обыденной нищете или на нищете духовной? Чем блаженны нищие? Своей духовностью, духом. Эта двусмысленность, скажем, амбивалентность, присуща каноническим, не только русским, переводам и восходит к греческому первоисточнику и к латинскому его эквиваленту: «*Beati pauperes spiritu*». Вот и в так называемой «Арамейской библии», опирающейся на ближайšie к евангелистам пласты новозаветного текста, сказано без всякой двусмыслицы: «Блаженны Духом те, кто нищи». В английском переводе: «*Blessed by the Spirit are the poor*», в то время как в освященном церковью подразумевается трактовка каноническая: «*Blessed are the poor in spirit*». Интересно, что если в первом случае Spirit пишется с прописной, то во втором — со строчной. Да и с рыбаками Иисус, похоже, говорил на арамейском, и имя одному из них — Кифа — дал арамейское.

Что еще обращает на себя внимание? В интерпретации той же Нагорной проповеди апостолом Лукой несомненно сквозит представление о «нищих духом» как собственно нищих в их противопоставленности богатым: «...горе вам, богатые!» (Лк. 6: 24). Тема еще ветхозаветная: «Имея пажити, они были сыты; а когда насыщались, то превозносилось сердце их, и потому они забывали Меня», — говорит пророк Осия (Ос. 13: 6). Конечно, «нищим духом» может оказаться и бедный, и богатый. Но — милость в Новом завете, с его «игольными ушами», через которые явно не протиснуться нашим нынешним архиереям, — к падшим.

Изначально на первенствующее место поставленную фразу, ее амбивалентность новейший перевод Сергея Аверинцева передает так: «Блаженны нищие по велению духа». Обыденная их неразумность имеет в то же время духовную наполненность. «Жить — Богу служить», — говорили в русском народе. Служение это безмолвное. Та внесловесная, неverified культура Древней Руси, о которой писали и Георгий Федотов, и Дмитрий Сергеевич Лихачев, видимо, этой природы. Природы

христианской, о которой говорил еще в IV веке св. Григорий Богослов: «Говори, когда имеешь нечто лучшее молчания, — но люби безмолвие, где молчание лучше слова».⁴

О евангельском понятии «нищеты» в прямом смысле слова, то есть «бедности», как центральном символе христианства, размышляет и современный богослов, протопресвитер Александр Шмеман, — о том, что христианский «призыв к бедности» есть призыв «к свободе, к бедности как “знаку”, что душа ощутила и восприняла невозможный (и потому для мира — трагический) призыв к Царствию Божьему...».⁵

Это не модернизация. Апостол Павел проповедовал то же самое: «...корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 5: 10). И Отцы Церкви за полторы тысячи лет до Прудона и Маркса не сомневались: «Всякая собственность есть кража».

Евангельские «нищие духом», они, к какому толкованию ни прибегай, и есть «народ». Насильственно и ненасильственно переселялся он из края в край никак не меньше отдельных личностей. Кто не помнит о судьбе старообрядцев в России?⁶ Потому «нищие духом» и сопряжены Иисусом с «изгнанными за правду» — как крайности, скрепляющие одна другую.

О том, насколько мы опасаемся «нищих духом», оказавшихся в то же время «изгнанными за правду», новейшая история говорит столь же красноречиво, как во времена библейские. После развала Советского Союза — об этом постоянно писал Солженицын и знает любой из присутствующих в этом зале — миллионам лиц, жившим на его территории, уже четверть века затруднительно получить гражданство РФ. Не потому ли, что подавляющую часть этих людей, обосновавшихся в Средней Азии, Казахстане, Прибалтике, на Кавказе, составляли семьи бывших ссыльных, переселенных, освободившихся из лагерей, в мягком варианте — опальных? Все они — в прямом смысле этого слова *изгнанники*, опасные для любой, склонной к тоталитаризму, власти.

Нищета естественным образом связана с умалением личности, с разорением, буквальным превращением своего двора в пепелище и последующим изгнанием из родных пенатов. Изгнание настигает уже дома и без

⁴ Цит. по: Флоровский Г., *прот.* Восточные отцы IV-го века. 2-е изд. Paris: YMCA-Press, 1990. С. 103.

⁵ Шмеман А., *прот.* Дневники: 1973–1983. М.: Русский путь, 2005. С. 281.

⁶ К примеру, на нашей конференции в докладе В. Е. Багно «Писатель и персонаж в неволе (Сервантес и Дон Кихот)» упоминалось о сотнях тысяч евреев, изгнанных из Испании во времена Сервантеса за их несогласие предать свою правду.

домашней побудительной причины непредставимо. Пушкин в молодости переживал это давление настолько сильно, что не раз собирался бежать из отечества, будучи уверен, что иначе дальше жить нельзя. В известном письме к Вяземскому от 27 мая 1826 года он говорит — куда уж яснее и проще: «Ты, который не привязан, как можешь ты оставаться в России? Если Царь даст мне свободу, то я месяца не останусь». Говорится это не только приватно.

Всегда гоним, теперь в изгнатье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани, —

посвящает Пушкин из Михайловского в тайну своего пребывания в ссылке другого поэта, Николая Языкова. Совсем не для красного словца он клянется «Овидиевой тенью», тенью изгнанника. Изгнание — дело не постыдное, наоборот, скорее — благородное, достойное. «И наша троица прославит / Изгнатье темный уголок», — заключает Пушкин послание, вспоминая еще и Дельвига, с ненапряженным ожиданием его сочувственного посещения Михайловской глуши.

Силою вещей обрекшие себя на гонения в родных пенатах, они тоже — изгнанники. Василий Розанов книги о наиболее близких ему в России людях собирался объединить в единую серию «Литературные изгнанники». Успела выйти только одна из них, посвященная Николаю Страхову и Юрию Говорухе-Отроку, но важен замысел: в число изгнанников входили люди, России если не присягнувшие, то осознанно закончившие свои дни дома, каким бы этот конец ни был, как у отца Павла Флоренского, и что бы о них посмертно ни говорили, как о Константине Леонтьеве. Драма интеллигенции не в ее изгнанничестве, а в неизбежных для самостоятельно мыслящих личностей идейных разногласиях с самыми изначально близкими людьми. Эта близость и провоцирует немислимые обвинения в ренегатстве, предательстве и так далее. Как пишет тот же Георгий Федотов, «Никогда злоба врагов не могла нанести интеллигенции таких глубоких ран, какие наносила она сама...».⁷

Тем более в изгнании они переживаются болезненно. Ибо само изгнание — рана, лишаящая человека самим рождением данных основ бытия. Тех, о которых писал Пушкин:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —

⁷ Федотов Г. Трагедия интеллигенции. С. 405.

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Высокопарный постулат «Настоящий писатель не может жить без родины», внушаемый нам все советские годы и принимаемый за истину сегодня, — демагогическое и просто нечестное умозаключение — к этим переживаниям отношения не имеет и подразумевает прописку, издавна нам ведомое «прикрепление к земле».

Наоборот, в изгнании, в эмиграции «дивно близкие» нам чувства проявляются с особенной силой. Вообще, все человеческие черты и чувства здесь обостряются — и лучшие, и худшие. Тем более это относится к людским талантам.

Не буду перечислять имена хрестоматийные — Овидия, Данте, Байрона, Мицкевича, родившегося в Российской империи, умершего в Османской и в Польше практически не жившего, или Джойса, создавшего «Улисса» вне пределов Ирландии и несравнимо ярче и адекватнее описавшего Дублин, чем кто-либо смог это сделать на его родине. Но возьмем несколько образцов из отечественной практики. Не знаю, к примеру, во всем поэтическом наследии Владимира Набокова лучшей строфы, чем из его, датированного автором 1927 годом, «Расстрела»:

Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.⁸

Правда здесь еще и в том, что подобных строчек в России, в ее овраге не напишешь. А напишешь — так не опубликуешь, в отличие от того же Набокова, напечатавшего к десятилетию Октября: «И хотя нам сейчас ясно, сколь разны мы, и хотя нам кажется иногда, что блуждают по миру не одна, а тысячи тысяч Россией, подчас убогих и злобных, подчас враждующих между собой, — есть, однако, что-то связующее нас, какое-то общее стремление, общий дух, который поймет и оценит будущий историк. <...> Такой свободы, какую знаем мы, не знал, быть может, ни один народ. В той особенной России, которая невидимо нас окружает, <...> нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и нет власти, кроме нашей собственной совести, <...> мы свободные граждане нашей мечты. <...> Не станем же пенять на изгнание. Повторим в эти дни слова древнего воина,

⁸ *Nabokov V. Poems and Problems. New York; London: McGraw-Hill, 1970.*
Цит. по: *Набоков В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002.*
С. 186. (Новая Библиотека поэта).

о котором пишет Плутарх: “Ночью, в пустынных полях, далече от Рима, я раскинул шатер, и мой шатер был мне Римом”».⁹

Солженицын в речи «О сегодняшнем российском самосознании» (1995) вслед и в согласии с пушкинской «любовью к родному пепелищу, любовью к отеческим гробам» видит в этой любви источник духовности, «самостоянье человека, залог величия его».¹⁰ В «Нобелевской лекции» он говорит о нем как о «своем жизненном опыте в своей ограниченной местности».¹¹ В этой почти вскользь сказанной фразе — средостение мироощущения писателя: какие «основополагающие» тезисы о «правах человека» в какие конституции ни вписывай, какой «незыблемый» их характер ни утверждай, столетиями навязываемая доктрина полагать высшей гражданской доблестью служение государству сохраняется до наших дней.

Много душеполезней выдвинуть на первый план «ограниченную местность», «родное пепелище», то есть «родной очаг, отчий дом», в современном словоупотреблении уже и сожженный. Ценности эти неизбежные для человека любой страны. В этом «самостоянье» интимность сопрягается с всечеловечностью, в них — источник полнокровной духовности.

Парадокс в том, что, когда речь шла об интеллигенции и ее эмиграции, не обязательно вызванной прямой опасностью, Солженицын это представление опускал. Из-за чего иногда говорил в «Образованщине» вещи странные, саркастические: «Такое открылось “ядро русской интеллигенции”, которое может существовать и без России». И тут же пояснял: интеллигенция определяется «не по принадлежности к духовной диаспоре (“всюду не совсем свои”)». Как будто кто-нибудь ее так определяет — по принадлежности к диаспоре. Не хочется тут обозначать параллели с превратными соображениями Игоря Шафаревича о «малом народе», так как с дальнейшим развитием мысли Солженицына я всецело согласен: «Но — по чистоте устремлений, по душевной самоотверженности...». И далее — еще верней, то есть конкретней: «...интеллигентом человек становится индивидуально. Если это и был слой, то — психический, а не социальный...».

⁹ Сирин В. Юбилей // Руль. (Берлин). 1927. 18 ноября. Цит. по: *Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 2. С. 647.*

¹⁰ См.: *Русская мысль. Париж, 1995. 9—15 февраля. № 4064. С. 8.*

¹¹ *Солженицын А. Нобелевская лекция // Солженицын А. Публицистика. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 11.*

Если всё же представить себе интеллигенцию как некий слой, то слой этот прямо противоположен тому слою, который Солженицын называет «образованщиной». Интеллигенция отличается от «образованщины» тем, что думает и пытается заботиться о других, что бы из этих забот ни выходило, в то время как «образованщина» ни для чего, кроме как для поддержания собственного благополучия, не предназначена.

Но не до слоев и градаций было, скажем, Ивану Бунину, когда он писал в Париже о Миссии русской эмиграции: «Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину». Причины «сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России».¹² Да и как ее было принимать людям, верящим в «самостоянье человека»?

Миссия всё же была. Как Эней у Вергилия, покинув Трою, превратил свою жизнь в подвиг самоотречения, так уехавшие в 1920-е годы на Запад мыслители и художники провозгласили за границей своим кредо переживания самые возвышенные: «Я не в изгнание — я в посланье...». Эта дважды повторенная в «Лирической поэме» 1924—1926 годов строчка Нины Берберовой недаром — и постоянно — приписывалась столпам русской диаспоры: Дмитрию Мережковскому, Зинаиде Гиппиус... Уверен, что и Александру Исаевичу Солженицыну подобное чувство чуждым не было. Возвращаясь к христианской истории, можно тут вспомнить христианское подвижничество, в том числе монашество, его идею спасения, настоящую на отказе от соблазна пребывания в родной местности.

Никак я не утверждаю, что изгнание есть цель и радость бытия. От начальных образов родины человеку не уйти, да и не нужно уходить, если он хочет сохранять свою внутреннюю целостность и свободу, свое «самостоянье». То, что человек в младенчестве и отрочестве видит поутру из своего окна, это и есть родина, от этого пейзажа не оторвать память и чувство — от цветаевского куста рябины. Или, вот, у поэта следующей волны русского рассеяния Ивана Елагина:

Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне не хватает русского окна.

Описание этого окна важно, в нем тоже отзвук пушкинской любви к «родному пепелищу»:

¹² Бунин И. Миссия русской эмиграции // Руль. (Берлин). 1924. 3 апреля. № 1013. Цит. по: Бунин И. Окаянные дни: Воспоминания. Статьи. М.: Советский писатель, 1990. С. 349.

ИЗГНАНИЕ, ГДЕ ТВОЕ ЖАЛО?

Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.¹³

У Елагина его «горящее окно», как и в пушкинском «родном пепелище», — налагающийся один на другой образ. Он говорит и об испепелении отчего дома, но и о его немеркнувшем сиянии. Для изгнанников образы, связанные с «пеплом», исключительно ассоциируются с чувством родины, как, например, у поляков строчки из эмигранта Циприана Норвида о «пепле и алмазе», ставшие после фильма Анджея Вайды — употребим лексику Александра Солженицына — «судьбоносным» символом; у Георгия Иванова, верившего «Не в музыку, что жизнь мою сожгла, / А в пепел, что остался от сожженья»;¹⁴ у Иосифа Бродского, наконец, в 1987 году, в очередную, будь она неладна, годовщину революции:

Только пепел знает, что значит сгореть дотла.
Но я тоже скажу, близоруко взглянув вперед:
Не всё уносимо ветром, не всё метла,
Широко забирая по двору, подберет.¹⁵

Особенно в нашем безалаберном отечестве.

¹³ Елагин И. Отсветы ночные: Стихи. Нью-Йорк: Издание «Нового журнала», 1963. Цит. по: Елагин И. Собрание сочинений: В 2 т. М.: Согласие, 1998. Т. 1. С. 177.

¹⁴ Иванов Г. «Друг друга отражают зеркала...» // Возрождение. (Париж). 1950. № 9. С. 80.

¹⁵ Бродский И. «Только пепел знает, что значит сгореть дотла...» // Континент. 1987. № 54. Цит. по: Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. М.: Вита Нова; Изд-во Пушкинского Дома, 2011. Т. 2. С. 122. (Новая Библиотека поэта).